

Пока Ка Лэ отвлёкся на женщину-аномалию, слегка припозднившийся Дун Цзинь в одиночестве направился к лифту. Проходя мимо деревянной двери лестничной клетки тридцать третьего этажа, он едва заметно замедлил шаг.

В следующий миг он чуть повернул голову и медленно, с леденящей неторопливостью улыбнулся закрытой двери справа. Когда алые отметины в уголках его губ изогнулись вверх, человек за дверью задрожал всем телом, несмотря на октябрьский полдень. В то мгновение ему почудилось, будто ледяной ливень пронзил его насквозь.

Он считал, что спрятался безупречно — родившись в опасных джунглях, с детства освоил искусство затаивать дыхание. Специально выбрал мёртвую зону лестничной клетки, лишь изредка бросая взгляд сквозь тонкую щель в двери. На прошлой чайной церемонии такая тактика сработала — ни одна аномалия его не заметила.

Так почему же этот новенький оказался настолько чутким? Неужели превзошёл даже хищников джунглей?

Хотя человек за дверью застыл, парализованный страхом, Дун Цзинь не сделал ни шага в его сторону. Напугав улыбкой, он просто направился к лифту, словно жизнь соглядатая не стоила и капли его внимания.

По правде говоря, навыки маскировки у незнакомца были неплохими, но против "видящего" они оказались бесполезны. Когда взгляд Дун Цзиня случайно упал на дверь, перед ним проявилась надпись:

[Деревянная дверь лестничной клетки, 33 этаж: заперта. Запиравший её человек прячется за дверью.]

Дун Цзинь решил немного поиграть с добычей. В конце концов, в этом Отеле встречи демонов приличных людей не водилось. И если намёк сработает, если незнакомец сам придёт к нему — тем лучше.

Дун Цзинь давно искал в Отеле подходящий клинок для деликатных поручений. Этим клинком мог стать как человек, так и аномалия. Изначально он присматривался к Ка Лэ, но, судя по сегодняшнему поведению других аномалий, тот занимал более высокое положение, чем предполагалось, да и любовная одержимость оказалась сильнее ожидаемого.

Дун Цзиню требовался острый нож с одним лезвием, а не обоюдоострый меч, способный ранить и хозяина. Оставалось проверить, насколько остр и послушен окажется сегодняшний соглядатай.

Почти полчаса Дун Цзинь скучающе ждал в номере 1001 на десятом этаже, пока наконец в дверь не постучали. Он не бросился открывать, а сперва взглянул на таймер телефона — с момента его ухода с тридцать третьего этажа прошло двадцать семь минут.

Меньше получаса — сойдёт для начала.

Небрежным жестом он убрал упавшие на лоб пряди и неспешно поднялся открыть давно молчавшую дверь.

— Buon pomeriggio, Il mio nuovo coltello, — произнёс Дун Цзинь на языке высшей вселенной, который он когда-то выучил, чтобы понимать бормотание Лэй Мина.

Ирония судьбы — освоив язык, он обнаружил, что Бог ночи и драмы использовал его в основном для изошрённой ругани. Впрочем, сейчас эти знания пригодились для другой цели —

напугать "счастливчика".

Дун Цзинь окинул взглядом мужчину, чьё лицо наполовину скрывал серый капюшон. Быстро считав появившуюся информацию, он снова улыбнулся.

[До Гэ: человек, взрослый мужчина.]

[Рост 189 см, вес 76 кг.]

[Профессиональный преступник, на счету множество убийств.]

[Кто бы мог подумать, что этот безжалостный убийца, не знающий страха, растеряется и замрёт на месте от одного твоего взгляда.]

Превосходно — отъявленный негодяй. Такого можно использовать и выбросить без сожаления.

Даже обычная улыбка Дун Цзиня пробудила в До Гэ недавние воспоминания о пережитом ужасе за дверью. Он непроизвольно положил руку с проступившими венами на правый карман брюк.

Дун Цзинь, даже не фокусируясь на кармане, мог догадаться, что там лежит излюбленное оружие До Гэ — наверняка кинжал.

"Похоже, клинок ещё не приручен", — подумал он. — "Впрочем, неважно. Я умею дрессировать собак".

— Вы... хотели меня видеть? — нарушил тишину До Гэ, которого изводил стук зонга о пол — Дун Цзинь, усевшись обратно в кресло, рассеянно постукивал чёрной рукоятью, словно гостя не существовало.

На самом деле До Гэ не был уверен, что Дун Цзинь действительно его искал. Он осмелился предположить это лишь потому, что тот не убил его на месте.

— Хм? Ты уверен, что это я ищу тебя, а не наоборот? — Дун Цзинь поднял лицо в сторону замершего в дверях До Гэ.

Рука на кармане мгновенно напряглась. Дун Цзинь попал в точку — у До Гэ действительно было дело. Он специально прятался на тридцать третьем этаже, чтобы выяснить, не сменился ли лидер среди аномалий в этом сезоне.

Многоэтажный отель затих в предрассветной тишине, когда До Гэ наконец решился подняться на последний этаж. Прежние лидеры аномальных видов — У Ли, человек с головой овцы, и Ка Лэ — всегда чётко разделяли обязанности. Если Ка Лэ практически не вмешивался в дела, то У Ли безжалостно гонял подчинённых расставлять взрывчатку и строго запрещал любые личные конфликты в стенах отеля.

До Гэ едва сдерживал тошноту при мысли об этом — особенно после того, как его давний враг не только поселился в отеле, но и присоединился к силам аномалов. С тех пор До Гэ каждые три дня караулил за дверью на верхнем этаже, надеясь дожждаться нового лидера, менее щепетильного в вопросах правил.

И вот лидер действительно сменился. Что же до правил...

До Гэ невольно впился взглядом в Дун Цзиня. Бинты скрывали его глаза, алые шрамы прятали рот. Ни взгляд, ни выражение лица, ни даже интонации — ничто не выдавало истинной сущности этого новоиспечённого главы аномалов. До Гэ понимал лишь одно: перед ним безумец.

— Да, я хочу попросить вас кое о чём, — До Гэ, не смея лукавить с сумасшедшим, столь стремительно взлетевшим к власти, выпалил: — В отеле живёт человек, которого я давно мечтаю убить. Прошу разрешить нам личную схватку.

«Так вот зачем он прятался за дверью», — холодно подумал Дун Цзинь, но его лицо осталось непроницаемым.

— Я слышал, У Ли запрещал людям сводить личные счёты, — произнёс он.

Не дав До Гэ и рта раскрыть, он продолжил:

— Но я — не У Ли. К тому же, что считать личной схваткой? Схватка подразумевает борьбу, обмен ударами. Если же один просто умирает, безответно и беспомощно — это уже не схватка, а обычное убийство.

До Гэ мгновенно вскинул голову, забыв о показном почтении. Он вперился взглядом в Дун Цзиня, который всё так же расслабленно полулежал на диване. Если До Гэ правильно понял намёк, новый лидер разрешал убийство — при условии, что жертва умрёт мгновенно и бесшумно?

— Я не люблю кровь, — вновь заговорил Дун Цзинь, пока До Гэ мучительно разгадывал его истинные намерения. — Не люблю замечать следы. И особенно не люблю безвкусную смерть.

Дун Цзинь не лгал — по крайней мере, в первых двух утверждениях. Кровь вызывала у него отвращение с той самой пятисотой полночи, когда Лэй Мин наглядно показал ему, что значит затопить мир багрянцем. Заметать следы он тоже ненавидел, а если завтра враг До Гэ погибнет от его излюбленного оружия, придётся прикрывать этого простака. Лишь последняя фраза про «безвкусную смерть» была простой формальностью — в конце концов, какая разница, как умирать, если конец всё равно один?

Учитывая относительную полезность До Гэ и желание упростить прохождение локации, Дун Цзинь решил прояснить некоторые моменты.

— В этом мире сложно жить, но умереть — что может быть проще? — он склонил голову. — Как у тебя с химией?

До Гэ лишь неловко натянул капюшон пониже. Какая ещё химия? Не стоит требовать подобных знаний от неграмотного выходца из дождевых лесов.

Дун Цзинь мгновенно прочёл ответ по его лицу и принялся объяснять обстоятельнее:

— В туалетных комнатах отеля я заметил дезинфицирующие средства и очистители. При смешивании они выделяют смертельно ядовитый хлор. В плохо проветриваемом помещении этого достаточно для летального исхода.

Он сделал паузу, словно раздумывая, стоит ли продолжать.

— А если проявить толику терпения... На тридцать втором этаже есть бассейн. Каждую неделю

туда добавляют хлорную известь для дезинфекции.

Дун Цзинь говорил размеренно, будто читал лекцию:

— Основной компонент хлорной извести — гипохлорит кальция. При достаточной концентрации он вступает в реакцию с газированными напитками. Реакция мгновенно высвобождает облако пены и огромное количество тепла. Достаточно, чтобы сварить заживо любого неудачника, который окажется поблизости.

Он поднял взгляд на собеседника:

— Ты уловил суть?

До Гэ едва помнил, как кивнул в ответ на эти небрежные слова, произнесённые совершенно ровным тоном. Он осознал лишь две вещи:

[Он совсем не похож на прежних лидеров. Он существо иного порядка.]

[Он не безумец. Он — настоящее чудовище.]

До Гэ следовало понять это ещё тогда, когда впервые заметил его улыбку из-за двери. Новый лидер действительно пренебрегал правилами — причём настолько, что походя выдавал десятки способов убийства.

Но До Гэ больше не испытывал страха. Напротив, именно такой лидер заставлял кровь бурлить в венах от восторга и желания служить.

— Чем я могу быть полезен? — спросил он. Те же слова, что и раньше, но произнесённые с совершенно иным чувством.

Дун Цзинь, неожиданно увлечённый изучением чайных пакетиков на столе, как раз пытался заварить чай холодной водой. Его рука не дрогнула, услышав вопрос. Вода продолжала литься в чайник ровной струёй, медленно затуманивая прозрачное зеркало поверхности.

— Чем можешь быть полезен... — протянул он, с интересом разглядывая нераспустившиеся чайники. Не оборачиваясь, добавил: — Ах да, прежний владелец этого тела, кажется, потерял телефон. Найди его, если будет время.

Дун Цзинь говорил небрежно, словно наугад выхватил из памяти первое попавшееся поручение. Но До Гэ принял слова близко к сердцу.

Следующим утром в отеле обнаружили два трупа. Старый враг До Гэ скончался в собственной комнате от несчастного случая, а карманник с десятого этажа неудачно выпал из окна.

В то же время на дверной ручке комнаты 1001, где жил Дун Цзинь, появился простой чёрный бумажный пакет. Внутри покоился телефон прежнего владельца тела.